

Двадцать третье марта. Утро. Добрынину не спалось, он проснулся задолго до подъёма, когда ночь ещё боролась с зарождавшимся днём. Он сначала лежал, вслушиваясь в тишину, затем неспешно встал. Фыркая от удовольствия, по пояс умылся прохладной водой из ручной мойки, приятно освежившей тело. Какое-то смутное тревожное предчувствие заставило его пройтись по посту, расспросить дежурившего старшину, как прошла ночь. Короткий доклад Малышева немного успокоил лейтенанта. Ночь как ночь. Выли женскими головами шакалы. Шуршали в камышах кабаны, с рассветом вышедшие к реке на водопой.

В шесть часов Добрынин, остановив жестом старшину, скомандовал подъём. Рота выстроилась перед палатками, полусонно шурясь. Туалет, завтрак, развод.

Солнце, как только появилось из-за горной гряды, разогнало утреннюю прохладу. К десяти утра оно поднялось высоко и плыло по безоблачному небу ярко-белым расплывчатым кругом. Стало жарко. Дождей не было три недели, что, впрочем, обычно для южного Пянджа. Трава зажелтела, пригнулась к начавшей трескаться земле.

Солдаты работали с голым торсом, их загоревшие разгорячённые тела блестели от пота. Отполированные землёй лезвия больших сапёрных лопат мелькали белыми молниями. Земля, выбрасываемая бойцами из траншеи, ложилась перед нею в ровный валик, формируя бруствер. Ветра не было. Над окопами повисла, постепенно уплотняясь, молочная пелена пыли. На позициях уже проглядывались контуры котлованов для штаба, убежища, подземной казармы и складов. Ротный ходил по незаконченным траншеям и размечал лопатой секторы ведения огня будущих огневых точек.

В одиннадцать часов Фонин окликнул Добрынина, призывно помахал рукой и скрылся в штабной палатке. Валера чертыхнулся про себя: что за новый секрет приготовил для него заместитель по воспитательной работе? Просто так Фонин не позвал бы ротного. Добрынин на входе привычным движением самодельной суконной метёлкой сбил пыль с обуви, отвёл рукой горячий брезент палатки, пригнувшись, скользнул в проём брезентовых шторок и натолкнулся на взволнованного Фонина. Не дожидаясь вопросов, Костя выпалил сипло-тревожным шёпотом:

– Валер, пост наблюдения обнаружил душманов.

– Понял, – Добрынин снизил голос. – Волну пока не гони, пусть бойцы работают. Противник должен думать, что не обнаружен. Позови незаметно старшину. А я пока на вышку. Посмотрю сам, а там примем решение.

– Добро, – лаконично ответил Фонин.

Добрынин поднялся на вышку. Старший пограничного наряда доложил лейтенанту о переправе боевиков через Пяндж, напротив времен-

ного погранпоста. Добрынин минуты две смотрел в бинокляры ТПБ-2 (оптический прибор наблюдения — пограничная труба биноклярная), но в густых зарослях камыша ничего не разглядел.

— Не наблюдаю. Направь на место, где духов обнаружил, — попросил лейтенант, отстраняясь от бинокляров.

— Сейчас... — сержант мельком заглянул в прибор, слегка повернул, вновь уступая место офицеру. — Вот они.

— Не вижу... А, вот где собака зарылась. Хорошо замаскировались.

В зарослях слегка колыхались камыши, это всё, что разглядел Добрынин. Он оторвался от прибора, вцепился напряжённым взглядом в лицо сержанта.

— Сколько их всего?

— На афганском берегу точно не определил, примерно человек пятнадцать-двадцать, может чуть больше. На наш берег переправилось около тридцати. На заставу обстановку доложил, — без нотки волнения в голосе ответил пограничник.

— Дистанция до них навскидку девятьсот, так?

— Да. Если точно, то восемьсот семьдесят метров.

Добрынин снова наклонился к прибору, подрегулировал резкость, ещё раз осмотрел место переправы и не отрываясь от бинокляров восхитился:

— Смотри какой глазастый. Я не мог разглядеть, а ты увидел! Сибиряк?

Лейтенант перевёл взгляд на сержанта, с любопытством разглядывал сухощавого, среднего роста пограничника.

— Нет, я смоленский.

— Смоленский! Где-то на Смоленщине и мои корни есть, — проворчал лейтенант. — Молодчина. Ведите наблюдение дальше. Если подойдут к нам ближе пятисот метров, три зелёных свистка в воздух.

— Есть три зелёных в воздух.

Добрынин спустился с вышки, подозвал старшину и заместителя. Втроем, пригибаясь, прошли по траншее к снайперской позиции. Валера показал, где переправился противник, велел старшине незаметно выводить безоружных солдат в тыл за сигнализационную систему, к очистным сооружениям.

С вышки свистнули. Валера снова поднялся наверх.

— Что у тебя?

— Тащант! — начал скороговоркой сержант. — Человек восемнадцать залегли в метрах двухстах от реки на нашем берегу, двенадцать движутся к нам, они вышли к первой ступени водозабора. Вооружение, станковый пулемёт 7,62 мм ПКМ, снайперская винтовка, гранатомёт РПГ-7, автоматы. Это только то, что я смог разглядеть. Может ещё что несут.

— Понял. Снимайте ТПБ, спускайтесь вниз. Только по одному. Потом под огнём не получится, всех одной очередью положат. Позицию займи на наблюдательном пункте, слева от вышки. На заставу я доложу сам. Приказ ясен?

— Приказ ясен. Есть снять прибор, наблюдение продолжить с НП.

Пограничники по одному, без суеты спустились с вышки. Добрынин сразу шмыгнул в штабную палатку. Связался с заставой по радиостанции. Ответил Некрасов. Валера довёл обстановку. Начальник заставы обещал помощь, но на это ему нужно было минут тридцать. Валера по-

звал замполита позовещаться. Фёдор сразу засыпал вопросами, в его голосе проскальзывали тревожные нотки.

— Что будем делать? Нас пятеро с оружием. На каждый автомат всего по четыре магазина, гранат нет. Сто двадцать патронов на нос, пятая часть боекомплекта, это на пять минут нормального боя. До подхода резервов из отряда не меньше часа пройдёт. От заставы броня подойдёт не раньше, чем через полчаса. У вертушек из московского отряда, если сейчас вызвать, тоже минут тридцать-сорок подлётное время. За полчаса нас духи разделают под орех... Что молчишь?

— Думаю, Костя. Чапай думает, — Добрынин нервно хохотнул. — Что мы имеем? У нас с тобой три бойца с оружием и двадцать девять с лопатами, одна машина. Старшине через месяц на дембель, двое бойцов полтора года служат, остальные вообще салаги без оружия, неделю с учебки. Не забывай, «бачи» вообще грозились нас лопатами забить, — Добрынин задумался на минуту, глубоко вздохнул, медленно выпустив воздух: — Сделаем так. Заберём у старшины патроны, оставим один магазин, пусть он с бойцами отходит в тыл, к развилке дорог. Мы с тобой и пост наблюдения здесь останемся. Будем тянуть время, держать духов вчетвером сколько сможем. Вот и весь план.

— Понятно... Дело пахнет керосином, — бесцветным голосом ответил Фонин.

Добрынин окликнул старшину. Малышев подбежал, сел на корточках рядом с лейтенантами.

— Эдик, магазины выкладывай, один себе оставь. Берёшь «бачей», отходишь за систему к развилке дорог. Если духи нас затопчут, придержишь их у дороги сколько сможешь. Бей одиночными. Расстреляешь патроны, уходи арыком к заставе, по тылу. Мою рацию возьми. Всё понял?

— Разрешите с вами остаться, — медленно и твёрдо выговаривая слова произнёс старшина.

— Нет. Уводи бойцов в тыл, иначе всех духи положат.

— Товарищ лейтенант! Валерий Ник... — начал Малышев, но его прервал Добрынин.

— Эдик, я знаю, что ты хочешь сказать. Ответь на один вопрос. У тебя дети есть?

— Нет.

— А у меня сын, у Кости тоже. Я хочу, чтобы и у тебя были дети. Ясно? Всё! Выполнять приказ, старшина!

— Есть выполнять приказ, — выдавил старшина.

Малышев побежал по траншее, на повороте обернулся, замер всматриваясь в лейтенантов, запоминая. Добрынин и Фонин, навалившись грудью на стенку траншеи, что-то разглядывали внизу. Замполит вытянутой ладонью показывал на камыши. Старшина потоптался в нерешительности, боднул головой воздух и трусцой побежал в глубь позиций собирать солдат.

Снизу донёсся треск, словно палкой быстро провели по штакетнику. Пули веером прошли над траншеей, пробили площадку наблюдательной вышки, выщёлкивая из досок щепки. Вторая очередь ударила в бруствер между нарядом и лейтенантами, выбросив фонтанчики земли.

Тиу-ти-и-и, птиу-ти-и-и, над головами лейтенантов пропели рикошетные пули. Они синхронно пригнулись.

— Ну что, Костя, началось! Приготовились к Аллах Акбар!

— Воистину Акбар! — неожиданно выпалил Фонин.

— Ну ты завернул. Запомню, — Валера хохотнул. Взвинчивая себя, прошипел сквозь зубы злобно: — Когда в аду дровишки под котёл с душарами подкидывать буду, обязательно вспомню.

Костя Фонин растянул рот в ехидной усмешке, его глаза сузились, словно он целился в душмана. Хлопнули друг другу по плечу, ткнулись лбами больно, и эта боль встряхнула.

— Костя, у них снайпер. Больше двух секунд не появляйся в секторе. Дал очередь, сразу меняй позицию, дважды с одного места не стреляй. Траншей открыто — бегай не хочю. Рассредоточиваемся, — лейтенант интуитивно выбрал место, где вероятнее всего начнёт атаку противник, и определил его для себя: — Я на левом фланге, ты в центре, от туда можно простреливать оба фланга. Наряд на правый, там больше шансов уцелеть. Если что со мной, командуй. Рация пусть у сержанта останется, связь береги.

— Не маленький. Валер, всё понял. Я пошёл?!

— Давай.

Бандгруппа вышла к глиняному зданию насосной. Внизу коротко ухнуло. Земля ответно вздрогнула. Душманы, наткнувшись на минное поле, замешкались, то ли ища обход, то ли делая проход. Пулемётчик и снайпер обстреливали пост.

Добрынин не стрелял, подслеповатыми глазами высматривал в бинокль душманов, высунувшись на две-три секунды, сразу сползал на дно траншеи, менял место, набегу отплёвываясь от пыли, висевшей в знойном воздухе.

Минут через пять прибежал Фонин, обрадовал новостью: вышла помощь. Соседние девятая и седьмая заставы поднялись по тревоге, с восьмой один бронетранспортёр пошёл по границе вдоль реки, второй тылом по шоссе через Дусти. Из отряда спешит резерв — мотоманевренная группа.

Стало легче от того, что они не одни, о них знают, к ним спешат. Пограничники сэкономили патроны, вели огонь одиночными. После каждого выстрела меняли позиции. Снайпер не давал высовываться надолго. Душманы под прикрытием пулемёта подошли почти вплотную к пограничникам, их разделяли какие-то полторы сотни метров. Очереди ложились всё плотнее, сметая в траншею жиденькие, недосыпанные земляные брустверы. К Валере снова прибежал Костя.

— Старшина вышел к развилке, всё нормально у него. Броня на подходе, в двух километрах. Вон видишь пыль.

Они выглянули одновременно и сразу скатились на дно. В то же мгновение землю вздыбило свинцовой струёй, и пули, дыхнув жарким смертным воздухом, пролетев и кувыркаясь над головами, воткнулись в тыльную стенку, обсыпав лейтенантов фонтанчиками золотистого горячего песка.

— Пристрелялись, сволочи. Видел? Кажется, броня повернула от реки к нам, идёт вдоль камыша по дороге или мне показалось? — спросил Добрынин.

— Тьфу-ты, кепку обронил где-то, — отплёвываясь и стряхивая песок с коротко стриженной головы, фыркнул Костя. — Всё правильно, Валер, они к нам повернули.

— Их же сейчас расстреляют из камышей. Не дай бог они в проход полезут в минное поле. Там же духи, они их с двух сторон в упор... бляха-муха... Костя!

— Что мы сделаем? Сотня метров по голому склону, это самоубийство.

— Костя, прикрой! Я отвлеку на себя духов.

— Ты куда? Стой! — Фонин схватил Добрынина за рукав, крикнул в спину. — Возьми ещё пару магазинов.

Добрынин обернулся, выхватил магазины, побежал, на ходу распахивая по карманам, махнул рукой в сторону душманов: прикрывай. Фонин негромко, для себя, убеждённо произнёс фронтовую поговорку Великой Отечественной:

— Сам погибай, а товарища выручай. Значит выручим.

Валера, намотав ремень на кисть, накинул сверху на предплечье автомат и пополз вниз по крутому склону, извиваясь ящерицей. Стараясь не зачерпнуть стволом землю, по неглубокой, отрытой до колена траншее скатился на животе под обрыв. Осмотрелся, стена камыша закрывала от душманов. Не прячась, пробежал до трубы и с разгона, отчаянно балансируя, рванул по ней. Преододел почти весь участок, как вдруг ноги соскользнули, и он, ударившись плашмя всем телом о трубу, едва не свалился в болото. Чудом удержавшись, прильнул ушибленной грудью к холодному металлу, закусив до крови губу, ужом заскользил дальше.

Потратив больше времени, чем рассчитывал, всё же успел вовремя. Прикрываясь камышами, добрался до глиняного забора. Выглянул из-за угла и оторопел. Впереди, метрах в двадцати, спиной к нему стоял душман, одетый в пальто-халат чакман. Бронетранспортёр, подставляя борт, поворачивал на дорогу, ведущую к насосной. Слева от башни, за люком механика водителя сидели лейтенанты, Костя Некрасов и Леша Владимиров, справа пара пограничников готовилась спешиться.

Душман поправил на голове шерстяную шапку-пуштунку, бережно положил автомат на пыльную дорогу, присел на одно колено, выверенным жестом снял с плеча гранатомёт. Добрынин выскочил, когда басмач дослал кумулятивную гранату в ствол и вскинул гранатомёт на плечо. Холодный пот выступил между лопаток. Секунда, две и на броне бронетранспортёра, разбрызгивая горящие капли расплавленного металла, раскидывая ошметки человеческих тел, вспыхнет ярко-оранжевый бутон кумулятивного взрыва.

Душмана в его бело-коричневой одежде было превосходно видно на фоне зелёного камыша. Не целясь, от пояса, лейтенант выпустил весь магазин в противника. В три секунды автомат выплюнул тридцать пуль. Яркие пунктиры трассеров впились в душмана. Добрынина оглушило собственной очередью, осыпало отскочившими от стены горячими гильзами, а ему показалось, что он слышит, физически ощущает собственной кожей, как пули глухо хлюпают, вонзаясь в тело врага.

Моджахед бросил гранатомёт, вскочил, перепрыгнул арык и скрылся в камышах. Оружие осталось на дороге. По лейтенанту в тот же миг открыли огонь. Он едва успел нырнуть за стенку дувала. Добрынин отсоединил пустой магазин, попытался засунуть его в подсумок. Руки тряслись, он не мог попасть в ячейку, колотила нервная дрожь.

«Как же так? Я в него весь магазин с двадцати метров всадил почти в упор. Не попал? Не может быть! Он что заговорённый? Я же не мог промахнуться, — сознание отказывалось понимать увиденное несколько мгновений назад. — В магазине каждый третий трассер. Я же видел, как яркие светлячки трассирующих впивались в его тело».

Тонкая, всего в полкирпича, глиняная стенка рассыпалась от пуль, чудом не зацепивших пограничника. Кирпично-желтая пыльная завеса

укрыла на миг. Лейтенант бросил пустой магазин на землю. Спотыкаясь, почти падая, скакнул за стену насосной, пытаясь на лету присоединить магазин, и как назло не смог попасть в паз. Кувыркнулся через плечо, сел, затравленно дыша, оперевшись спиной о стену, сделал глубокий вдох, успокаиваясь, медленно выдохнул, вставил магазин до щелчка фиксатора, отвёл затвор, резко бросив его, и тот хищно звякнул, дослал зелёную гильзу с жёлтым жалом в патронник. В уши словно напихали ваты, и сквозь её давящую вязкость в голову вливался звон, болезненно режущий барабанные перепонки.

Воздух задрожал в нервном тике. Дук, дук, дук, дук, дук... Заработал крупнокалиберный пулемёт бронетранспортёра. Почти заглушаемые его басовитым рыком, сухо трещали автоматы десанта. Добрынин выглянул на секунду. Крупнокалиберные, 14,5-миллиметровые пули КПВТ (крупнокалиберный танковый пулемёт Владимирова) вздыбили цементную пыльную пудру на дороге, рассыпались веером по кустам, охапками сбивая камыш. Наводчик-оператор и десант отгонял душманов от здания насосной станции, давая возможность лейтенанту отойти. В груди затеплело, его прикрывали свои.

Он не слышал, как с высоты поста трое пограничников расчётливыми скупыми выстрелами не давали вести боевикам прицельный огонь. Не слышал, как сержант по радиации корректировал действия боевой группы, ведь они здесь, в низине, в густых зарослях четырехметрового камыша, не видели ни друг друга, ни противника.

Добрынин замешкался, упустил драгоценные секунды, по нему стреляло несколько боевиков, он сменил позицию. Прострелил камыши одной очередью, снова выпустив весь магазин. Перезарядил и снова полосонул навскидку, примерно туда, откуда стрелял враг, автомат злобно трясся в его руках. Его быстро засекли, прижали к земле перекрёстным огнём. Душманы обходили его справа и слева. Добрынин расстрелял шесть магазинов, незнакомо задымился раскалённый ствол. Остался магазин, последний. Задуманное он выполнил, отвлек противника на себя, бронетранспортёр цел. Пора было уходить, ещё минута-другая – и ему не выбраться из этого мешка.

Десант спешился с брони. Пограничники плотным огнём отогнали противника от низенькой постройке, за которой стонал и что-то громко кричал афганец то ли на фарси, то ли на пушту. Выбрав момент, Добрынин отошёл к болоту, прикрываясь зданием, прополз на животе по трубе. В кустах молодого камыша отдышался, собираясь с силами. Осталось, поднимаясь по крутому склону, проскочить открытое пространство.

Добрынин выждал момент, когда вновь заработают пулемёты бронетранспортёра. Рванул по открытому участку, делая зигзаги. Душманы ждали этот рывок, открыли огонь.

Пули просвистели совсем рядом. Он упал, сразу перекатился влево. Вскочил, побежал, забирая вправо, отсчитал две секунды, сходу в падении скользнул боком по земле, перекатился вправо. Кувыркаясь, он успел заметить, как на месте, где он упал, пули ковырнули землю. Вскочил, секунду бежал прямо, затем резко рванул вправо и почти сразу упал с перекатом. Пули прошли над ним впритирку, злобно взвизгнув над ухом.

«Промазали, — злорадно подумал Добрынин, — не дождётесь». Лейтенант пополз по-пластунски, сердце билось исступлённо, захлёбываясь. Ему казалось, что по нему стреляет тот самый убежавший

душман, в которого он выстрелил весь магазин, и сейчас он ведёт поединок именно с ним, поединок жизни со смертью. Сзади, захлёбываясь в бесконечно длинной очереди, били оба пулемёта бронетранспортёра.

Добрынин наконец дополз до траншеи, выложившись до бессилия. С минуту лежал без движения, набираясь сил, заглатывая пересохшим ртом горячий с пылью воздух. Знакомый аромат пробился откуда-то из детства, перед его глазами на кромке мелкой траншеи встревоженно качался пушисто-сиреневый цветочек мяты. Мимолётно вспомнилось училище, ещё до присяги. На курсе молодого бойца командир взвода капитан Василий Митрофанович Шендриков их, семнадцатилетних пацанов, до изнеможения заставлял ползать по-пластунски на время, стирая в кровь колени и локти, учил передвигаться под огнём, стреляя холостыми патронами и бросая взрывпакеты поодаль. Жаль, погиб взводный в конце второго курса в нелепой автокатастрофе. Спасибо, Василий Митрофанович, за науку!

Не тронутый пеклом живой цветок мяты всё качался ободряюще: я живу, и ты живёшь, полежи рядом со мной.

Казалось, подняться было невозможно, но лейтенант, пересилив себя, сначала пополз на четвереньках мимо цветка, потом, оперевшись на автомат, встал и пригнувшись, покачиваясь пьяно, побежал по ходу сообщения. Почти перестали стрелять. Добрынин плюхнулся в окопе рядом с Фониным. Костя стоял и методично стрелял одиночными, не меняя позицию. Валера схватился за накладной карман его брюк и потянул вниз. Костя опустил на дно траншеи, недовольно уставился немигающими воспалёнными глазами. Добрынин немного посидел, прикрыв глаза, отдышался, охрипло спросил:

— Все живы? Никого не зацепило?

— Живы, ни царапины! — взгляд замполита потеплел, и он спросил участливо:

— Сам как, цел? Лицо в крови.

— А? Ерунда! Порезало немного осокой и камышом. Ты мне ответь на один вопрос. Я прикрывать просил, а вы не стреляли даже.

— Как не стреляли? Ещё как стреляли. Когда тебя прижали, сразу огонь открыли. У нас на троих десятка два патронов осталось. Носиться от ячейки к ячейке замучились. Я в жизни столько не бегал, как сейчас.

— Странно, я не слышал...

Добрынин вдруг удивлённо округлил глаза, повёл носом, принюхиваясь.

— Костя, ты мясо что ли жарить?

— Какое мясо? — в свою очередь удивился Костя, его брови приподнялись, изогнулись дугами.

— Чуешь, горелым мясом пахнет.

Костя медленно провёл взглядом сверху вниз по вспотевшему в грязных потёках лицу Добрынина, по его мокрому в соляных разводах камуфляжу:

— Валерка, на свои руки посмотри!

Добрынин глянул на кисти рук. На левой ладони чернела полоса обгоревшей кожи, по линиям трещин сочилась кровь. На правой вздулись красные водянистые пузыри. Сразу по рукам лезвием бритвы полоснула боль. От неожиданности он чуть не вскрикнул. Сдержавшись, замычал сквозь стиснутые зубы.

— Ух, м-м, бля..., твою... Это я когда перекатывался, м-м-м, видимо за ствол раскалённый схватился. Бляха-муха. Не помню когда.

— У тебя в крови адреналина было – на троих хватит, вот и не чувствовал боль. Пойдём я тебе мазь «Спасатель» дам, перевяжу.

— Потом. Посмотрю, как там наши.

— Без нас справятся. Духи к реке отошли. Второй БТР пришёл, на ВПП стоит.

Словно подтверждая его слова, совсем близко зарокотал крупнокалиберный пулемёт бронетранспортёра, между очередями внизу глухо хлопал подствольный гранатомёт.

— Йо-хо-о-о!!! — донеслось с наблюдательного пункта.

Лейтенанты побежали к НП. Но бой уже прекратился.

— Что за крики Тарзана? Что стряслось? — спросил Костя, навалившись на стенку окопа рядом с сержантом.

— Железно, третьего накрыли. Лейтенант Владимиров с подствольного гранатомёта прямо духу под ноги гранату положил. Того через голову перевернуло, как в кино! — крикнул в ответ разгорячённый боем сержант.

Через полчаса вернулся Малышев с бойцами. Близился обед. Есть не хотелось, не было сил. Старшина принёс в штабную палатку чайник, с укоризной посмотрел на лейтенантов. Добрынину не хотелось говорить, и он подумал: «Ничего, Эдик, тебе не скажу сейчас, и не смотри обиженным сычом, потом может быть скажешь спасибо, а не скажешь... Бог с тобой!»

Они пили горячий зелёный чай с таким усталым видом, словно целые сутки без отдыха разгружали железнодорожные вагоны.